

Иван и Зоя

11 мая 1942 года. Усть-Кяхта. Почему я не могу быть близко от тебя? Ведь и па фронте иногда бывают вместе. Получаешь ли »"мои письма? Поправляйся быстрее, «постахановски». Где твои «братья? 22 мая закончится учебный год. Может быть, нас, незамужних, призовут в армию. Стремление к лому у меня большое, но нас в селе пока не призывают. В связи с нашей учительской квалификацией. Бронь... В Улан-Удэ и Кяхта некоторых девушек призвали.

24 июля 1942 сода. Казань-Судьба Миши Михалева неизвестна. Отцу выслали с передвижного госпиталя все документы фотокарточки сына, но не написал, что. С ним. Писем *чет* полгода. Родители в горе, Где он? Умер от ран, эвакуирован" Л записал в его часть. Хочется утешить родителей.

Мы вместе были в Москве перед отправкой на фронт и договорились: в случае гибели кого-либо и» нас оставшийся в живых сообщит об этом родителям и приедет лично к ним. Он перед моими глазами. Миша. Идет» Москве по тротуару, веселый, сильный, а его полевая сумка (кожаная, на походном ремне), хлещет по боку.

И вот мы в штабе дивизии. Так хотелось попасть к одну часть. Я предлагал: напишем заявление, что вместе хотим громить немцев. Он хороший пулеметчик, я - стрелок. Но он: «Наверное, нас не пошлют». А через минуту: "Старший лейтенант Михалев, вот ваш азимут". Несколько человек направлены в какую-то часть. Следом и моя очередь, (опрощались. пожали руки, но не как перед боем, а словно на один день. Он вышел раньше меня и пошел...

Разве я думал, что расстанемся навеки?

12 июня 1942 года. Усть-Кяхта. Любимый мой!

Письма твои Храню все до одного. Вернешься с войны, будем перечитывать их вместе, предстоящем году у меня первый масс. Да, Иван Илларионович, приглашав) вас на выпускной вечер семиклассников. Он состоится... «завтра, 13 июня Будут родители, председатель колхоза. И, конечно, будет баян, танцы. Из 15 учащихся выпускаем 12. С продуктами, сам понимаешь, плохо, «с миру по нитке». Ваня, пришли, фотографию, любую. Я так соскучилась по тебе. Фотографии она. Так и не дождетя. Два года И пан Коновалов не то что фотографироваться зеркала и руки не брел, Не мог видеть чужое лицо. (пойми выли только глаза. Долго привыкал к себе, другому, ощупывая но ночам лицо. Больничная эпопеи растянулась на долгие месяцы. Перенес несчетное число 'операций. Удручало то, что ею признали негодным к службе (Он не мог носить противогаз, бегать (затруднено дыхание). Вдобавок на будущее доктора настоятельно рекомендовали. В ему (сибиряку) пожизненную южную прописку: лоскуты живой ткани, из которых сформировано лицо, где выносили низких температур.

Забегая далеко вперед, скажу: несмотря на предостережения врачей, он вернулся в родное Забайкалье с его 30-40 - градусными морозами. Не мог оставить мать, получившую за войну четыре похоронки на сыновей. Не мог не вернуться к любимой. И спусти (прок с лишним лет, война не отпускали его. В зимние дни односельчане узнавали ветерана не только по высокой статной фигуре, солдатской выправке, сохранившейся с военных лет, но и по неизменной белой повязке 'на лице.

Но вернемся в осень сорок второго года, когда из за необходимости сложных пластических операций Ивана Коновалом отправляют в госпиталь в Самарканд,

20 октября 1942 года. Самарканд. Госпиталь.

Любимая! Ты уже знаешь, что я нахожусь в Самарканде. У меня серьезные осложнения. Нужны пересадки, наращивания. Дорого обошлась мне та мина. Потерял в весе 8 килограммов. Но, думаю, все это поправимо. Мечтаю снова вернуться на фронт. Надо освободить и тех, кто томится еще в концлагерях под пятом фашистов.

Без даты. Усть-Кяхта.

Теперь я знаю, что ты еще не скоро не вернешься, и пишу тебе ежедневно. Может быть, не я, как письма мои помогут тебе. Допустила перерыв в переписке, надеясь на гное скорое но, крашение. Ты, удалый парень, не сообщил мне, сколько времени будешь в госпитале. Я по -

прежнему жду тебя. Буду встречать как моего героя Отечественной войны. У Зины, учительницы, в январе погиб муж, больно даже видеть горе подруги. Чем поможешь? Многие фронтовики вернулись по ранению.

16 июня 1942 года. Кяхта.

Ваня, любимый!

Нахожусь в Кяхте. Почти год не была здесь, приехала по делам. Внешне Кяхта не изменилась. Город такой же, как три года назад. В педучилище встретила старых знакомых. Как водится, спрашивают, где Ваня? Вечером сходили в кино «Фронтовые подруги», Сейчас пойду к Насте Осиновой. У нее двое ребят. Муж погиб на фронте. Не видела Настю, как расстались в 1939 году.

19 июня 1942 года. Кяхта, (холила к Насте. На себя не похожа. Такая измученная, страдавшаяся. Все думает о погибшем муже. Она с детьми (Томе 4 года, Эмме - 1,5 года) уезжает на родину мужа в его родной город Горький. Сочувствую ее большому горю. Многих из наших ребят нет в живых. Их имена передаются из уст в уста.

22 июня 1942 года. Усть-Кяхта.

Нам с тобой надо установить ежедневную связь, как

Совинформбюро. Мы встретились с тобой в Кяхте в сентябре 1938 года, Какие это были счастливые дни нашей юношеской дружбы и любви! Помню, как ты спросил меня однажды: «Скажи, любишь ли ты меня?». Тогда я не могла ответить сразу. Сейчас могу ответить без колебаний: «Люблю». Помню январские встречи 1939 года. А интересно, чем мы друг другу понравились? Ты, конечно, видный человек был. Я же отсиживалась в четырех стенах и была совершенно незаметной. Все остальное было так неожиданно для меня.

Воскресенье. 6 сентября 1938 года. Городской парк. Идет Конверт, Боец-артист имитирует птичьего голоса. Много народа. Я стою одна около березы. Подходи твой Кеша Игумнов (он убит, Ваня): «Хочу познакомиться тебя, Зоя, с моим лучшим другом». Потом первая «шутейская» прогулка с тобой...

Ваня, я люблю тебя!

2 июля 1942 года. Усть-Кяхта.

Вспоминаю мирные дни прошлого сорок первого года. Окончился учебный год, еду домой, и все мысли, мечты и стремления проникнуты воспоминаниями о тебе. Воскресенье 22 июня 1941 года прервало эту мечту, и все планы война переложила на мирное время. Но война не кончена. Я знаю, что ты пока слаб, но если надо, ты встанешь в ряды действующей армии. Мне и во сне не снилось, что ты куришь. Ваня, мне тоже не хватает настойчивой энергии переносить, как подобает, свои неудачи. Мне кажется, что я маленькая-маленькая по сравнению с, настоящими людьми мне хочется взять все хорошее у этих мужественных людей.

До свидания. Письма твои получаю аккуратно. Не кури, прошу тебя.

9 июля 1942 года. Усть-Кяхта.

Написанное тебе письмо от 2 июля осталось неотправленным. И потому только, что в нем я высказала недовольство своим существованием. В общем, письмо такое, в упадочническом духе. Написала и думав», зачем же отправлять такое письмо. Как ты себя чувствуешь? Читала твое замечательное письмо и видела тебя, своего героя, друга. Я оказалась счастливой и живу потому, что живешь ты. Что скрывать, наблюдая других, удивляешься порой несерьезности отдельных девушек и Жен.

11 июля 1942 года. Усть-Кяхта.

Ты пишешь, что можно создать Веселье к нашему небольшому коллективу. Не опровергаю Но меня устраивает не веселье, а вот эта грусть. Ведь я скучай» не потому, что в Усть-Кяхте нет театров, а потому, что нет тебя. И если, допустим, я жила бы где-то, где можно забыться, я, наверное, и го предпочла бы быть одна.

15 июля 1942 года. Усть-Кяхта. Вот и вечер. Живу одна. Иногда пою, но больше молчу. Почему я не могу быть около тебя, помогать тебе? Только остается благодарить весь медперсонал да поведать счастливого исхода. О нас не беспокойся. Тяжело расставаться даже письмом к тебе.

31 июля 1942 года. Усть-Кяхта.

Работа у меня хоть и кропотливая, но интересная, с первоклассниками. Вторая моя работа-агитучасток. Приехать к тебе не мшу. Расстояние большое. Сам понимаешь, нужно ехать обеспеченной продуктами, не говоря о денежных средствах. Не пускаясь на риск, а обдумав, ты согласишься со мною. Представлять поездку в виде прогулки не приходится.

Правда, Надя доехала до Горького быстро, за 13 дней. Почему снова операция?

Нелли Коробенкова